

Вопрос: Как Бог мог допустить повсеместное разрушение храмов в России, и то, что сажали и убивали священнослужителей и верующих?

Свящ. Георгий Кочетков: Все вопросы такого рода относятся к проблеме различия добра и зла и ответственности за добро и зло, а также к вопросу, связанному с первым, — вопросу о преодолении зла, о борьбе со злом и грехом. Не совсем понятно, из чего исходит предположение, что Бог допускает всякое зло, которое творится на земле. На каком основании люди возводят к Богу ответственность за зло? Если Бог, по мнению задающих такие вопросы, должен был бы наказывать за всякое зло, если Он должен был бы пресекать всякое зло и всякий грех, и таким образом уничтожать всех, кто несёт в себе что-то недоброе, злое или греховное, то давно никого не осталось бы на земле, потому что «нет человека, который жил бы и не согрешил», — так говорит Священное Писание и так говорит нам наша совесть. Даже верующие люди нуждаются в Ходатае, Кто-то очищал бы нас от всякого греха. Мы имеем такого Ходатая в лице Христа, действующего в Духе Святом, и мы верим, что Бог нас очищает от всякого греха. Конечно, мы хорошо понимаем, что кто-то должен нести ответственность за разрушение храмов, за убийство невинных людей, особенно верующих и священнослужителей, но это, скорее всего, все-таки не Бог, а люди, а также те, кто своими ошибками и грехами привёл жизнь к тому, что появились те люди, которые стали жить столь беззаконно, столь греховно, столь зло. Важно, откуда появились эти люди. Они же тоже когда-то были детьми, и кто-то их учил или, допустим, не учил тому, как они должны жить. И здесь мы не можем сказать, что церковь ни в чём не виновата, что мы, как члены церкви, тоже ни в чём не виноваты. И если мы отвергаем все претензии, обращённые к Богу, то мы не можем отвергнуть претензии, обращённые к Церкви, ко всякому, даже доброму, человеку. Вель человек должен отвечать не только за то, что он сделал плохого, но и за то, что он не сделал хорошего. Об этом мы, к сожалению, часто забываем, а в древних христианских памятниках об этом говорится напрямую. Более того, ответственность за то, что мы не сделали хорошего, иногда превалирует над той ответственностью, которая возникает из-за того, что мы делаем то или иное дело плохо. Вот если мы будем рассуждать так, я полагаю, мы будем значительно ближе к истине, и тогда мы поймём, в чём наша личная ответственность, мы не будем сваливать её на Бога или на кого-то другого, мы начнём с себя. А древний христианский принцип всегда так и говорит: начинай с себя.

Вопрос: Почему сейчас, когда можно восстанавливать храмы, это идёт так медленно и восстанавливаются не все? Например, в Баку же мечети очень быстро восстановили. А русским это не нужно?

О. Георгий: Эти вещи зависят от нескольких причин. Во-первых, нужна ревность о Боге и о всяком Божьем деле, а значит и о всякой святыне, а значит и о храмах, о их восстановлении. Во-вторых, должны быть ещё определённые возможности. Я помню, что когда начал служить священником, это было в 89-м году, а до этого я был дьяконом, как раз тогда стали отдавать храмы. И мне дали в городе Электростали совершенно разрушенный, развалившийся храм, который надо было как-то восстанавливать. И хотя к нам съездили настоящие прихожане, их было много, они были дружны, замечательны, были искренни в своей вере, но они были простым народом, не имеющим доступа к каким-то особо высоким прибиям. И поэтому восстановить храм своими силами они просто не могли. Восстанавливать старые храмы, которые были созданы в хотя бы формально, но в христианском государстве, при его помощи, было нереальной задачей. Храмы очень дороги, их содержание очень дорого, христианский культ стал таким, что он очень дорого стоит, это очень дорогое удовольствие. Но христиане часто бывают небогатыми людьми. Государство же наше, в отличие от, скажем, Азербайджанского, не столь интенсивно помогает восстановлению храмов. Последние годы здесь что-то ста-

ОТКУДА БЕРЕТСЯ ВЕРА?

Ответы на вопросы открытых встреч

Футляр для ангела П. Скульптура Эптоми Гормла. 1990 г.

ло меняться, но часто бывало так, что никто и не собирался, без осебых на то причин, помогать Церкви в восстановлении её инфраструктуры. К сожалению, не была проведена реституция собственности, отобранной у людей и у церкви после революции. Поэтому надо об этом думать. Действительно, иногда мечети восстанавливаются быстрее, чем русские храмы, хотя надо сказать, что мечеть восстановить значительно легче, поскольку это всегда довольно простая конструкция, это относительно менее дорогое дело. Но может быть, имело бы смысл и нам немного упростить внешний форму и сделать наши храмы и наш христианский культ, наше богослужение не столь дорогими. И тогда, глядя, было бы больше храмов, и людям было бы куда ходить, чтобы не стоять в толпе, в давке. Об этом надо думать, об этом надо заботиться, за это надо отвечать каждому из нас. И помнить, что пока что время работает на нас, но всегда так не будет.

Вопрос: Говорят, что христиане должны покрывать грехи других людей. Это возможно? Если да, то каким образом?

О. Георгий: Конечно, христиане должны в первую очередь каяться в своих грехах, действительно, начинать надо с себя. Но это не значит, что мы не несём ответственности за других. Более того, без ответственности за других нельзя нести реальной и полной ответственности за себя. Мы должны нести ответственность и за Церковь, и за весь мир, и даже за Божье дело, за плодотворность Божьей благодати, потому что она свои плоды приносит в сотрудничестве с людьми, с человеческими силами. Да, хорошо, когда люди понимают, что на них лежит ответственность и за других людей. И даже каяться надо не только в своих грехах, но и в грехах своих ближних, своего народа, своей страны, государства, общества и т.д. Это не всем дано. Например, человек, который только входит в Церковь, обычно не имеет таких сил и возлагать на него этот тяжёлый крест не следует. Но если человек уже духовно созрел, он может от избытка духовных сил заботиться о покрытии, т.е. прощении грехов других людей.

Вопрос: Откуда берётся вера?

О. Георгий: Вера берётся из сердца, изнутри человека. Сердцевина человеческой жизни, то, что мы и называем сердцем человеческим, содержит в себе некоторую естественную возможность верить. Сердце стремится быть расширенным, открытым и не пустым, стремится быть наполненным благодатью, любовью, надеждой, духом Свободы и Истины. Вот отсюда и берётся вера. Когда мы открыты, когда мы доверяем друг другу и Богу, когда мы стремимся познать невидимый мир, духовный мир, и при этом понимаем, что он остаётся непознаваемым до конца — тогда возникает возможность жить по вере, потому что вера — это очи, которые помогают нам увидеть невидимое внешним образом. Мы хотели бы, чтобы наша надежда на Бога себя оправдала, также как и надежда на других людей. Но для этого тоже нужно доверие, тоже нужна вера. И это

будет, если у нас будет любовь, это будет, если у нас будет жива наша совесть, если мы будем стремиться жить вместе, пренебрегая мелкими недостатками, недочётами и даже согрешениями наших ближних, если мы будем готовы прощать их и идти вперёд, а не топтаться на месте.

Вопрос: Говорят, что христианство — это вера в Бога и вера в человека. Значит ли это, что человек может верить в себя тоже? Вот он живёт, что-то делает так или не так, видит свои ошибки, он пытается их исправлять. Достаточно ли, что он верит в себя, может ли вера с этого начинаться?

О. Георгий: Конечно, может. Всегда всё надо начинать с себя. И вера должна начинаться с веры в себя. Современному человеку иногда легче довериться тому или иному ближнему или даже, хотя бы в своих мечтах, Богу. А вот поверить в себя ему бывает трудно. Человек, действительно, хочет исправить свою жизнь, он хочет покаяться. И вера в то, что это реально можно сделать в своей жизни, приложить собственные усилия, хотя и не по своим заслугам и силам, а с Божьей помощью и по-божьему — эта вера помогает. Конечно, вера — такое свойство человека, которое не может замыкаться только на себя. Если человек будет доверять только себе и верить только в себя, но не будет доверять другим и верить другим, если у него не будет веры в Бога, то он разуверится и в себе, он не возлюбит и свою жизнь, и самого себя, он захочет уничтожения себя. Не случайно в наше время совершается огромное количество самоубийств и суицидальных попыток. Это происходит именно из-за того, что люди не решаются довериться другим, открыться другим, не решаются довериться Духу Божьему, Духу Любви. Дай Бог, чтобы у нас этого не было.

Вопрос: Мне кажется, когда человек понял и осознал себя верующим, ему нужны силы на пути к Богу. И для этого ему нужно креститься, чтобы он получил эту благодать в крещении, и тогда уже он увидит то, чего сейчас может не видеть. Почему он не может креститься в тот же самый момент? Мы же помним ситуацию с вехном из Книги Деяний, когда тот встретил апостола Филиппа и сказал: «вот вода, что мешают мне креститься»? И Филипп ответил: «Если веруешь, то можешь».

О. Георгий: Опыт Церкви показал, что вопрос о времени крещения не так уж прост. Очень часто случается так, что для крещения недостаточно лишь осознать себя верующим, надо принести достойные плоды этой веры. Не случайно в ответ на вопрос «что мешает мне креститься?», заданный эфипским вехном, апостол Филипп ответил не просто «если веруешь, то можно». Он сказал: «если веруешь от всего сердца, то можно». Вот в этом вся проблема. Вехну эфипской царницы было достаточно образованным и подготовленным человеком, он уже знал пророков, ему нужно было только указать на Христа, ему нужно было только полюбить Христа, открыть Ему своё сердце. И он мог креститься, потому что эта вера наполнила мгновенно всё его сердце и стала проявляться во всей его жизни. Так ли случается с нами? Боюсь, что очень часто не так. Мы иногда можем целый год, а то и больше, готовиться к крещению, а всё ещё, смотрящи, сердце наше расколото, какой-то кусочек, какая-то часть его принадлежит Богу, принадлежит вере, какая-то часть готова принять жизнь по вере, готова принять благодать, но другая часть не готова. И эта вторая часть бывает очень значительна. В этом всё дело. Крещение не может быть просто панaceей от всей бед. Благодать крещения не даёт магическим, механическим, автоматическим, она даётся только тем, кто верует всем сердцем, пусть даже ещё и не познал всех путей Господних. Так что — да, надо стремиться к крещению, к исполнению воли Божьей во всём, к умиранию со Христом для Жизни с Ним в вечности, но к этому надо готовиться, надо сделать так, чтобы наше сердце веровало в полноте своей, чтобы в эту веру был вовлечён и наш ум, и наши руки и ноги, то есть все сферы нашей жизни, чтобы мы смогли их как-то воцерковить, привести к единому знаменателю веры. Вот тогда и можно будет креститься.

Е. Новикова: Я помню, я читала об о. Александре Мене, что у него было очень большое желание отдать науке. Он же очень много написал книг, а его призвание было пастырское, и даже больше — апостольское. И так там и написано, что он это искушение не преодолел.

О.А. Седякова: Я думаю, он и это свое предназначение исполнил. Чтобы написать все эти книги, необходима была научная одаренность. И в этих своих сочинениях он действует и как пастырь. Я не вижу здесь противоречия призываний.

Вот история, в которой пересекаются два ярко выраженных предназначения: то, что мы назвали «природным» — и духовное. Это история Альберта Швейцера, одного из самых дорогих для меня людей в минувшем столетии. Он был великим органистом и историком музыки. Кроме того, он закончил богословский факультет. Равных ему интерпретаторов Баха не было ни среди органистов, ни среди историков музыки. При-

О призвании

Из материалов встречи Свято-Архангельского братства с О.А. Седяковой

этом его с юности мучила тема проклятых. Он не мог примириться с тем, что на свете есть проклятые, с которыми принято обходиться так: полностью изолировать их от мира как смертельно опасных для общества, как саму «нечисть». В Германии в то время проклятых не было, но этот образ абсолютно отвергнутого существа мучил Швейцера с детства, и он решил сделать все, что можно, для этих несчастных. Он осознал это как свое духовное призвание. Человека из Германии, музыканта, призывают помочь неизлечимо больным людям, которые живут в Африке! Швей-

Альберт Швейцер

цер получает медицинское образование и отправляется в Африку. Он вспоминает об этом отъезде: «Я думал, что приношу три жертвы». Первой жертвой была музыка, Бах, орган (он полагал, что, занимаясь проклятыми, вряд ли ему придется играть и изучать Баха). Второй жертвой была семья, которую он взял с собой к проклятым не решался. Хотя он и ехал туда с гипотезой, что проказа не так заразительна, как об этом веками думали, но полной уверенности в этом не было. Поэтому он не мог рисковать жизнью своих домашних.

Фото с сайта <http://rozamira.org/>

Продолжение на с. 2

О ПРИЗВАНИИ

Из материалов встречи Свято-Архангельского братства с О.А. Седаковой

Продолжение. Начало на с. 1

Наконец, третья жертва, которую он приносил, была родина, Германия. Он думал, что, поскольку он делит судьбу проклятых, вполне возможно, что ему никогда больше не придется увидеть Германию. После всего, что он пережил, Швейцер с уверенностью заключил: «Теперь на собственном опыте я могу утверждать, что все принесенные жертвы Бог возвращает сторицей».

В самом деле, ему и его сотрудникам, присоединившимся к нему врачам из разных стран мира, удалось доказать, что проказа не так заразительна, как это считалось, и проклятых — уже с первыми признаками заболевания — вовсе не следует держать в этих жутких резервациях. Через некоторое время к Швейцеру приехала семья. Ему построили прекрасный орган в капелле. И он стал своим большим неграм по воскресеньям играть Баха. И в конце концов, вернулся к профессиональной деятельности исследователя Баха. И Германия ему опять оказалась открыта.

Вот здесь, действительно, произошло острое столкновение двух призваний и принесение одного из них в жертву другому. Но оказалось, что то, чем Швейцер пожертвовал, вернулось ему, как он сам говорит, сторицей.

Свящ. И. Привалов: *Вы так хорошо рассказали судьбу Швейцера. Есть и другой полюс: что с Гоголем произошло. Вам трудно было бы так же сейчас объяснить, его вот эти мучения и т.д.*

О.А. Седакова: О последней эпохе жизни Гоголя существуют разные мнения. Довольно распространено представление о том, что это было истинное обращение и покаяние, что в его «духовных сочинениях» есть глубокий смысл. Судя по Вашему вопросу, Вы так не думаете. Я тоже. Это обращение производит на меня впечатление крайне болезненное, а от духовных писаний Гоголя все настает жутью.

Гоголь был не первым «кающимся художником». Это началось со времен Возрождения, со времен культуры Искусства. Микеланджело кается в своем служении кумиру искусства в своих поздних сонетах. И Петrarка в последней кантоне, обращенной к Богородице, винится в том, что воспевал какую-то Лауру, когда есть настоящая спасительница, Богородица, «истинная Беатриче» (то есть «делающая блаженными»). Между прочим, у Данте одно другого не заслоняло: была Беатриче — и была Богородица. Беатриче была служительницей Богородицы и вела его не к гибели (как Лаура — Петрарку), а к спасению. До той степени, до какой могла довести. Дальше, в последних сонетах «Рая» она передает его другому проводнику, Бернарду Клервоскому. Данте не пришло бы в голову приносить покаяние ни в любви к Беатриче, ни в служении искусству.

Но с Петраркой наступил разлом. И многие художники переживали свое служение свободному искусству как грех, причем великие художники: Микеланджело, Боттичелли, Петрарка... В этом ряду я вижу и Гоголя. Швейцер, о котором мы говорили, никогда не обличал искусства, напротив: когда за его труд с проклятыми ему вручали какую-то премию, он сказал, что все, что он сделал, меньше, чем реализация того содержания, которое заключено в одной строке Гете, в одной фразе Баха. Что случилось с «кающимися художниками»?

В обращении Гоголя, в уничтожении рукописи, в его смерти, наконец, принято было винить некоего отца Матфея, под мрачное клерикальное влияние которого Гоголь якобы попал. Мне совсем недавно попались опубликованные документы об отце Матфее. Бедный священник, скромный правдивый батюшка пишет, что никогда и никак он не руководил Гоголем (Гоголь требовал от него духовного руководства), не приказывал ему сжигать «Мертвые души» и вообще не собиравшись обсуждать его творчество. Все это было исключительно личным решением Гоголя. Не церковные авторитеты его к этому толкали. Больше того, ему прямо запрещали те самостоятельные, которые он на себя накладывал, ему запрещали мстить себя голодом.

К кому обратились «кающиеся художники»? К грозному Судье, к какой-то силе, в которой совсем нет любви, которая внушает страх и трепет и чувство безвыходного самоосуждения. Таким духом веет от духовных сочинений Гоголя. Жутью и попыткой избежать гибели.

Но и в покаянии Петрарки, не таком страшном, как у Гоголя, я тоже не слышу любви. Конфликт Лауры и Мадонны (соответственно — искусства и благочестия) выглядит здесь как конфликт чувства и долга. Любит он Лауру, Августин стоит перед ним как непреклонный императив. А императив любить трудно.

Основная часть материалов встречи опубликована в Кифе №5 (63)

КАК ОБРЕСТИ ПОДЛИННУЮ ПАМЯТЬ?

Из обсуждений в Живом Журнале

Однажды мы уже публиковали в нашей газете выдержки из дискуссии в Живом Журнале, касавшейся жизни Преображенского содружества (статья называлась «Приблеще барсуков»). Этот материал вызвал большой интерес читателей. Сегодня мы вновь печатаем материалы из Живого Журнала — на сей раз это одно из обсуждений, происходивших в последнее время в недавно созданном сообществе портала беседа (http://community.livejournal.com/portals_besedka/).

nat_i

Сегодня вечером я была на лекции Л.А. Головкиной «Новомученики Бутовского полигона. Места массового расстрела в Москве». Она проходила в Культурном центре «Покровские ворота» в Москве. Я бы не сказала, что это была именно лекция, это была, скорее, встреча с показом слайдов. Понравился тон лекции — выдержанный, без осуждения даже тех, кто расстреливал.

На экране появлялись фотографии: Лубянка, Бутырка, Таганка, Лефортово, Бутово, Коммунарка, Св.-Екатерининская пустынь, лица жертв и их палачей. Жертвы — церковные иерархи, священники, интеллигенция, простые крестьяне, московский губернатор (франтоватого вида молодой человек), генерал с модно подкрученными вверх усами, молодые люди и даже мальчик 13-ти лет, расстрелянный всего лишь за то, что не в том месте перешел улицу... И тут же — фотографии палачей, тех, кто расстреливал. Почти все они в конце жизни или спивались, или сходили с ума, или кончали жизнь самоубийством. Но, может быть, самое ужасное — это то, что они тоже были в каком-то смысле жертвами своего времени, кошмарным продуктом эпохи. Я лично далека от того, чтобы их оправдывать, но и осуждать не могу: да, это был их выбор, но между чем и чем? Выбора было только два — принять назначение на должность от органов или отказаться, и оказаться на месте жертв, повернуть репрессиям свою семью. Не думаю, что этот выбор был прост. Не думаю, что расстреливать людей так уж легко. В конце концов, не зря в столовых, где бедолаза расстрелянная команда после казни, стояла водка ведрами... И все же, это был их выбор, на каком месте быть — на месте жертвы или палача.

Этот год юбилейный: 1937-2007 — 70 лет. Многие ли об этом помнят? Мы уже научились вспоминать о наследии новомучеников. Но как же нам важно не только в очередной раз ужаснуться количеству жертв красного террора в XX веке, но и попытаться обрести подлинную память, войти в личное звание их жизни, в пережитый ими опыт! Может быть, это и есть путь к покаянию церкви и общества за все, что пережила наша страна и люди в XX веке, которого, к сожалению, пока еще не произошло?

lucy_paw

Мне кажется, очень важно, что стали проходить по разным городам эти встречи памяти. То, что случилось в 90-х — общее «недогитивание» до осознания, до покаяния и изменения; то, что происходит сейчас — беспамятство или размывание воспоминаний на внешнюю «мелкую монету» — все это наша общая вина и беда. И большая ответственность здесь лежит прежде всего на нас, на тех, кто ежедневно вспоминает о беспамятстве как о своем личном грехе.

Когда мы читали слепые фотокони «Архипелага» по ночам, торопясь, чтобы утром отпать обратно, нам казалось, что в этот момент сам воздух становится другим — в нем были правда и свобода, которых так не хватало в окружающей жизни. Увы, эта книга напечатана в огромном количестве экземпляров, но мы так и не научились все вместе и всездесь ни правде, ни свободе. И все-таки нужно учиться, нужно делиться друг с другом и теми крохами, которые отводал. В этом смысле мне кажется, что очень важно и то, что появились на телеэкране (при всех недостатках этих экранизаций) и «В круге первом», и «Мастер и Маргарита» (тоже, в конечном счете, размышление о вине палачей и доносчиков, о трусости власть предержавших, о предательстве).

И все-таки к покаянию ведет, мне кажется, не только и не столько постепенное продвижение, но прежде всего сокрушение сердца. А для этого мы слишком плохо понимаем, что же произошло и происходит с нами сейчас в целом, как с народом. Только один раз я столкнулась за последнее время с таким сокрушительным пониманием — <http://gazetakifa.ru/content/view/full/182/65/>. Но кажется, что и это благополучно забылось даже теми, кто читал...

margarita_v

Знаете, мне иногда кажется, что наше беспамятство и отсутствие покаяния объясняется тем, что гражданская война еще не окончилась. В последнее время я не так уже редко участвую в разговорах о том времени, о том, что с нами всеми случилось, и к своему ужасу все чаще слышу: «они - и мы...» Причем «они» могут быть как теми, кто, имея в своих руках власть, деньги, законы, богатство, образование, культуру — ничего не сделал, чтобы кошмар бессмысленного бунта не затопил русскую землю; так и те, кто, не имея всего этого, и не хотел идти к нему своим трудом, не хотел прикладывать усилия к обретению человеческого достоинства, а хотел грабить, убивать, делить... Мне кажется, что это происходит оттого,

что мы так и не знаем даже малой части правды о жизни нашей страны и наших же собственных родных в не так уж далекое время.

Когда я работала в институте вскоре после его окончания (это было самое начало 80-х), один старый, очень уважаемый профессор однажды рассказал мне старую боль своей семьи. Его родной дед в годы гражданской войны жил в небольшом городке на Волге. Два его сына были на фронте: один у белых, другой у красных. И жизнь столкнула-таки их в этой боине. Их части стояли по обе стороны от этого городка и готовились его захватить. Сныо-вья по-очереди пробирались по ночам к отцу повидаться, а затем возвращались каждый к своим. Какому из них отец сказал: я уже стар, чтобы остановить тебя на твоём пути. Но если я узнаю, что один из вас поднял руку на другого, и брат убил брата, я найду его, где бы он ни был, и убью. Господь помиловал их — братья не встретились в прямом бою. Но ведь могли. И выходом из этой встречи могла быть только смерть — та или иная.

Знаем ли мы хотя бы, где были наши родные в то время, что с ними было? Может быть, этим нам нужно делиться друг с другом? Либо покаянием и молитвой о прощении, которое мы могли бы начать вместе хотя бы за близкими нам людей; либо свидетельством о их достоинствах и стоянии в правде. Как вы думаете? Может быть, с этого начнет возрождаться народ?

lucy_paw

Все так, и нет однозначного деления на правых — белых и неправых — красных (или наоборот). Но есть еще и то, что лично делал каждый. Ведь кто-то стерел, расстреливал, а хуже всего — доносил...

Моя бабушка была коммунистом. В свое время именно от нее я узнала по крайней мере часть правды о репрессиях. Ее свекор, мой прадед, был священником. В 37-м его посадили, а в 43-м он умер в тюрьме. Я с детства привыкла видеть у бабушки в комнате его большую портретную фотографию — удивительно мудрое и светлое лицо (тогда я еще не знала, что немногие решились бы держать такую фотографию дома), слышала рассказы о том, как со всего города люди приходили на его проповеди (он окончил Киевскую академию), как при разговоре с ним отступали обычные в те голодные и тяжелые годы усталость, обида и боль. Рассказывала мне бабушка и о своей сестре — крупном министерском работнике, которую во время кампании против космополитов пытались заставить написать доклад на друга детства. Она сопротивлялась этой чужой не ежедневной обработке, кажется, месяц, и так и не сдавалась, никто не отговорил — просто однажды прямо во время выступления скорострительно скончалась. Сердце не выдержало. Когда я выросла, я перестала понимать, как можно было знать и помнить все это и продолжать верить в «коммунистические идеалы». Но бабушка я все равно очень люблю и знаю, что она была светлым, смелым и добрым человеком, что она многим помогла и не боясь сочувствовала тем, кто попал в мясорубку. Но есть и другое воспоминание — как однажды мы ездил в гости к кому-то из дальних родственников, проработавших всю жизнь в КГБ, кажется, охранником, такому тихому, линияному старичку. Я до сих пор помню ощущение какой-то страшной нравственной дуроты и затхлости этого благополучного мешанского брата. Помню и ужас, тогда еще не осознанный, на уровне подкочки, перед тем, что он считает свою жизнь вполне правильной и ни в чем не раскаивается, даже гордится. Видела я его всего один раз, но запомнила. Я была еще девочкой тогда и, конечно, еще не читала Солженицына, почти ничего не знала о том, как это все там происходит. Я просто почувствовала рядом с собой — смерть, смотревшую из этих тихих моргающих глазок. Я к тому, что разница есть. Нельзя поделить всех «по раскраске». Но нельзя сказать «в чем-то все были правы...»

margarita_v

Да, лично каждый выбирал свой путь. Беда в том, что эти пути расходились не между классами, не между народами, а между отцом и сыном, между братьями по крови, внутри одного народа легко не одна, не две, а десятки и сотни пропастей, которые шли по сердцам... Звучит как высокие слова, но как подумаешь, что это буквальный правда... Мне кажется, что возродит ТОТ народ уже невозможно. Может родиться новый, как Израиль, вышедший из Египта, не смог войти в землю обетованную, так как так и остался рабом. Вошли только те, кто родился в свободе. А у нас, пожалуй, задача еще труднее — нам предстоит родиться в любви или умереть совсем. Задача любви к врагам — предельная для христианина, достижимая на этой земле только силой Любви Христовой (так ее ведь еще надо вложить в себя), но и падение наше было тоже предельным. Не забыть и не простить своего РОДНОГО человека, который стал чужим, а полюбил! Как?! Только верой. Если мы не вернемся ко Христу, нам это не по силам. Может быть, начать с самого начала — собирания в своем сердце своего рода, своих родных по крови людей из-за разных сторон баррикал? Им негде больше встретиться, кроме нашего сердца, готового простить. Их отвергла и земля, и потомки, и родные. Если отвергнем мы, что будет с нами? Помнишь вопрос Бердяева: Авель, где брат твой Каин? Но в одиночку-то это невозможно, никаких сил не хватит. Знаю, остается поделиться этим грузом с общиной, с родными во Христе.